

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48

КУЛЬТУРНО-РЕЛЕВАНТНЫЙ КОНТЕНТ ДИСКУРСА СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМЫ ПО БОРЬБЕ С КОРОНАВИРУСОМ)

Умеренкова А. В.

Курский государственный университет

305000, г. Курск, ул. Радищева, д. 33, Российская Федерация

Аннотация

Целью проведённого исследования выступает выявление специфических коммуникативных стратегий и приёмов конструирования культурно-релевантного контента социальной рекламы на примере социальных рекламных проектов, направленных на борьбу с пандемией 2019–2020 гг.

Процедура и методы. В работе производятся дискурс-анализ и лингвокультурологический анализ текстов социальной рекламы с целью выявления приёмов активации культурно-релевантных знаний и установок, разделяемых членами конкретной национально-культурной общности.

Результаты. Были выявлены содержание, прагматические цели и функции социальной рекламы, опубликованной в период пандемии, обозначены коммуникативные стратегии и приёмы, способствующие активации национального самосознания, регулированию и мобилизации гражданской активности.

Теоретическая значимость. Работа вносит вклад в разработку проблемы производства и восприятия дискурса социальной рекламы, стратегий конструирования рекламного текста как средства доступа к социально-культурному коду носителей языка, их картине мира.

Ключевые слова: дискурс социальной рекламы, националистический дискурс, картина мира, культурно-релевантные знания, мифориторика, милитаристская риторика

CULTURALLY RELEVANT CONTENT IN THE DISCOURSE OF SOCIAL ADVERTISING (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH ANTICOID SOCIAL ADS)

A. Umerenkova

Kursk State University

33 ulitsa Radisheva, Kursk 305000, Russian Federation

Abstract

Aim. The article is aimed at finding out the strategies and technical devices of constructing culturally relevant content of social advertising discourse.

Methodology. Russian and English antiCOVID-19 ads have been studied by means of linguocultural analysis and discourse analysis.

Results. As a result, we found out common themes, pragmatic aims and functions of antiCOVID social ads as well as communicative strategies and devices aimed at activating cultural identity, regulating and mobilizing civil activity.

Research implications. The paper contributes to the problem of social ads discourse production and perception, particularly the issues of activating culturally relevant knowledge and setups shared by all members of a definite culture.

Keywords: social ads discourse, nationalistic discourse, culturally relevant knowledge, rhetoric of myth, military rhetoric

Введение

Внушительное количество научных работ, посвящённых рекламному дискурсу, не умаляет актуальности его дальнейшего исследования ввиду постоянно развивающегося и меняющегося рынка рекламы. Стремительное развитие технологий и непрерывно пополняющийся и совершенствующийся арсенал средств коммуникации позволяют рекламистам напрямую привлекать внимание разных слоёв целевой аудитории [7; 17]. Являясь разновидностью институционального дискурса, рекламный дискурс опирается на социальную иерархию и учитывает социальный статус конкретного члена социума, а также нормы и правила данного общества [8]. Кроме социальной ориентированности, дискурс социальной рекламы содержит национально-культурный компонент, что позволяет более эффективно достигать прагматической цели за счёт опоры на специфику мировосприятия конкретной общности носителей того или иного языка, присущие данной социальной общности культурные ценности и установки.

Национально-культурный компонент дискурса социальной рекламы активизирует в сознании носителя культуры долгосрочные культурно-релевантные знания, разделяемые всеми членами социума. Культурно-релевантные знания, языковые и неязыковые, лежат в основе коммуникативного поведения и обуславливают процесс речевой деятельности индивида. Таким образом, долгосрочные культурно-релевантные знания составляют общую коммуникативную стратегию носителя языка и предоставляют базу для выбора частных форм коммуникации [16, p. 153].

Целью проведённого исследования выступает выявление специфических коммуникативных стратегий и приёмов кон-

струирования культурно-релевантного контента социальной рекламы на примере социальных рекламных проектов, направленных на борьбу с пандемией 2019–2020 гг.

Основным объектом настоящего исследования служат процессы производства и восприятия текстов социальной рекламы. Основной целью социальной рекламы часто является реализация националистического посыла, т. е. формирование и развитие национального самосознания и патриотизма. Используя определение «националистический», мы исключаем какую бы то ни было отрицательную политическую коннотацию и связываем его с понятием «националистического дискурса», включающего в себя мифы, культурно-релевантные образы, нарративы и реалии [5]. Таким образом, можно говорить о зависимости степени выраженности националистического компонента от прагматической цели и конкретных задач, которые стоят перед создателями социальной рекламы. Фокусируясь на проблемах, понятных и актуальных для всей нации в целом, дискурс социальной рекламы в то же время конструируется с целью найти отклик конкретных социальных слоёв населения конкретной национальной общности.

Материалом описываемого исследования послужили русско- и англоязычные тексты социальной рекламы, направленной на борьбу с коронавирусной инфекцией. Тексты для рассмотрения взяты из интернета с сайтов официальных организаций разных стран. Основными методами исследования являются дискурс-анализ и лингвокультурологический анализ, направленные на выявление стратегий и приёмов конструирования культурно-релевантного контента дискурса социальной рекламы.

Прагматическая цель, функции и тематика социальной рекламы по борьбе с распространением коронавируса

Историческая изменчивость как один из основных признаков институционального дискурса явственно прослеживается в развивающемся контенте рекламного дискурса, отражающего актуальные изменения в обществе в сфере культурных ценностей, установок, риторических экспектаций. В отличие от дискурса коммерческой рекламы дискурс социальной рекламы значительно реже и в меньшей степени использует такой распространённый приём конструирования суггестивности, как сокрытие прагматической цели рекламного текста. Данный приём обычно направлен на минимизацию контрсуггестивных реакций реципиента за счёт смещения фокуса внимания с процесса изменения его концептуальной системы в ходе декодирования и интерпретации сообщения [10; 14]. В тексте социальной рекламы, напротив, прагматическая цель ясно и чётко прослеживается, что достигается за счёт использования эксплицитных средств языкового выражения. Дискурс социальной рекламы конструируется таким образом, чтобы интерпретация сообщения не требовала специальных интеллектуальных усилий и происходила в соответствии с поставленными прагматическими задачами.

Одним из важных компонентов конструирования дискурса социальной рекламы является национально-культурный контент, ввиду того, что данный тип дискурса сосредоточен на вопросах, актуальных для конкретной национально-культурной общности либо её определённых слоёв. Основной целью социальной рекламы является контроль и мобилизация активности членов национально-культурной общности для борьбы с социальными проблемами, которые невозможно решить посредством административно-правовых мер [13].

Социальная реклама в период пандемии получила развитие и приобрела большое значение и широкое распространение в России. Социальная реклама, распространяемая российскими СМИ, включает в себя два типа контента: информирующий и способствующий героизации медиков, учёных и других слоёв населения, вносящих вклад в дело борьбы с вирусом.

Роль социальной рекламы в период пандемии во всём мире неопределима. Среди основных функций дискурса социальной рекламы 2020 г. были такие функции, как: эмотивная (воздействие на эмоциональную сферу реципиента) снятие эмоционального напряжения, связанного со страхом, боязнью за своих близких, фрустрацией, вызванной незнакомой ситуацией, неопределённостью, резкими переменами в сфере экономики, политики, здравоохранения, бытового поведения и пр.; информационная функция, подразумевающая предоставление актуальных фактов по ситуации с коронавирусом в стране проживания и в мире, а также о мерах профилактики и борьбы с болезнью, образцах поведения в конкретной ситуации; регулирующая функция, позволяющая управлять поведением членов общества в период пандемии, дающая установку на моральные ценности, в данном случае ценность взаимопомощи и благодарности тем членам общества, которым первыми лицом к лицу пришлось столкнуться с инфекцией, а именно медицинским работникам и волонтёрам. Отдельно можно выделить фатическую функцию [9], подразумевающую установление контакта с аудиторией за счёт повышения значимости фактора адресата (выявление и последующее использование ценностно-культурных установок и экспектаций конкретной культурной общности), а также активного включения разговорной речи в дискурс социальной рекламы с целью сближения с аудиторией.

Тематика дискурса социальной рекламы, запущенной в разных странах в период пандемии, примерно одинакова:

семейные ценности (внимание и забота о старшем поколении, создание уюта в доме, совместное времяпрепровождение, уникальная возможность посвятить время себе и близким), переосмысление своего образа жизни (в т. ч. выбора карьеры), значимость личного контакта с людьми и общения «лицом к лицу», возможность более экономичного и осмысленного распределения бюджета (осознание бесполезности трат на то, что можно сделать самому), здоровый образ жизни. Примером может послужить текст социальной рекламы, опубликованной Организацией Объединённых Наций:

When the city is on pause/ When lights go on for empty seats/ When there is no night time/ It's time to look back/ It's time to think alone/ It's time to work with your soul/ It's time to workout harder/ It's time to know more about family/ It's time to stay at home for him/them/us¹.

Стратегии и приёмы конструирования культурно-релевантного контента социальной рекламы

Среди общих коммуникативных стратегий, присущих большинству текстов антиковидной социальной рекламы, можно выделить стратегию милитаристской риторики, выстраивающую дискурс на бинарной оппозиции «мы (люди) – он (вирус, он же враг)»:

"All against one. All against COVID-19" (Government of Quebec)².

В данном случае оппозицию составляют {all – one/COVID-19}. Противопоставление выражается служебным словом "against", повторяющимся в паре с место-

имением "all" в параллельных синтаксических конструкциях.

Стратегия милитаристской риторики, а также прочие риторические приёмы, которые мы проанализируем далее, прослеживается и в тексте следующей социальной рекламы, опубликованной в Таиланде под названием "Dear Crisis" (by Thailand Board of Investment). В сложном креализованном тексте обсуждаемого рекламного ролика вербальная информация поступает сразу по двум каналам, визуальному и аудиальному, в сопровождении визуальных образов и музыки. Здесь предлагается транскрипт аудиосообщения: в скобках указан текст, который реципиент воспринимает визуально в параллельном режиме:

Dear Crisis/ We hope you are doing well/ (FINANCIAL CRISIS, 1997) Perhaps, that's what we should be telling ourselves/(THAILAND TSUNAMI, 2004/ COVID-19,20) We still remember each and every challenge you've thrown our way/Though we know you will never take it easy on us, / We just want to.../ ...thank you/ Thank you for knocking us down/ That's how we've learnt to stay calm,/ to improvise,/ and to fight back./ It's how we've become more resilient./ You've reminded us of how lucky we are to live on solid and fertile ground./You've proved just how strong and supportive our healthcare system is/ (Today we found no new COVID-19 infections for the first time) ... and it's you who made us realize that we are the beating heart of ASEAN, with unique potential./ Our people are not only highly skilled,/ but willing to adapt and maximize advanced technologies./ Thank you again, Crisis/ For preparing us even better for the future.../ than ever/ Thailand, the Land of Resilience³.

В тексте используются лексемы, конструирующие номинативное поле концептов "War", "Struggle", "Fight": "fight (back)", "knocking down", "challenge",

¹ United Nations, COVID-19. We are at home to protect you (by Qumin) // Ads of the World: [сайт]. URL: https://www.adsoftheworld.com/media/film/united_nations_covid19_we_are_at_home_to_protect_you (дата обращения: 13.08.2020).

² Government of Quebec Joins Forces with Hip Hop Stars for All Against One. All Against Covid-19 // Little Black Book: [сайт]. URL: <https://www.lbbonline.com/news/government-of-quebec-joins-forces-with-hip-hop-stars-for-all-against-one-all-against-covid-19> (дата обращения: 13.08.2020).

³ Dear Crisis [Электронный ресурс] // Think Asia, Invest Thailand: youtube-канал. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dSwur0wlsxl> (дата обращения: 13.08.2020).

“strong”, “resilient”/“resilience”, – которые реализуют вышеупомянутую риторiku противостояния [4; 6; 15]. Однако в данном примере эффект достигается использованием стиливых композиционных черт эпистолярного жанра (обращение к адресату (“Dear Crisis”), контактоустанавливающая фраза (“We hope you are doing well”), основная часть, подпись (“*Thailand, the Land of Resilience*”), а также с помощью приёма метафоризации. Таким образом, в тексте прослеживается противопоставление первого лица множественного числа (*we / our people*) и второго лица единственного числа (*You’ve reminded us of... , ... it’s you who...*). Так, в сознании реципиента происходит трансформация образа врага в разумного оппонента, с которым возможен потенциальный диалог. Кроме того, мощный риторический эффект производит обманутое ожидание: выражение благодарности оппоненту за трудности и причинённые страдания (*We just want to... / ...thank you / Thank you for knocking us down*). Нарушение экспектаций аудитории – весьма распространённый приём в рекламном дискурсе, в том числе и в дискурсе социальной рекламы.

Следующим приёмом, способствующим конструированию культурно-релевантного контента, является использование культурно-маркированных концептов, активирующих в сознании носителя языка долгосрочные знания, разделяемые членами конкретной национально-культурной общности. Рассмотрим пример:

Коронавирус Covid-19. С ним можно успешно бороться, но для этого надо победить два не менее опасных вируса PANIC-20 и POFIG-21. Вирус POFIG-21 поражает мозг человека, блокирует восприятие реальности, развивает наплевательское отношение к происходящему. POFIG-21 делает человека легкомысленным, создает ложное ощущение защищенности и мешает принятию адекватных решений. Победить POFIG-21 можно при помощи информационной вакцины, до-

ступной на сайте стопкоронавирус.рф¹.

В работе Н. В. Баско [1] отмечается, что в русской языковой картине мира концепт «пофигизм» имеет отрицательную коннотацию наряду со своими литературными синонимами «равнодушие», «безразличие», «наплевательство», – в их семантике заложено презрительное отношение к кому-либо (чему-либо). В русском национальном характере есть черта попустительского, или, выражаясь современным разговорным сленговым языком, «пофигистского» отношения к своему здоровью, даже некоторого презрения к болезням и хворям, что восходит к экзистенциальному фатализму в сознании носителя русской культуры, надежде на иррациональные «высшие силы» и традиционный «авось» – понятие само по себе уникальное для русской национальной культуры. Создатели обсуждаемого текста предлагают аудитории небанальную языковую игру, вербализуя концепт «пофиг» в новой языковой форме с помощью псевдолоксемы POFIG-21, калькируя формальную структуру медицинского номенклатурного наименования вируса COVID-19. Другой продукт словотворчества PANIC-20 сконструирован по тому же типу, однако его семантика лишена ярко выраженной культурной маркированности. Таким образом, «пофиг» как безразличное отношение и наплевательство уподобляется вредоносному вирусу, с которым необходимо бороться с помощью решительных мер, а именно «информационной вакцины», – такая медицинская метафора, в свою очередь, способствует ещё большему сближению бытового и медицинского коммуникативных пространств [11] в сознании реципиента, что представляется эффективным риторическим приёмом.

¹ Взрывные бабушки. POFIG-21. Терминатор. Лучшая российская социальная реклама на тему коронавируса // Adindex: [сайт]. URL: <https://adindex.ru/news/creative/2020/05/15/281909.phtml> (дата обращения: 13.08.2020).

Кроме того, характерным приёмом является использование национальных топонимов, или категорий, включающих специфические топонимы, культурно маркированные антропонимы [5], образы, мифы и нарративы, специфические для определённой культуры.

Данное явление можно рассмотреть на материале текста социальной рекламы «Будь как Петя!»:

Это Петя. Он третий день сидит на самоизоляции, и ему скучно. Петя чувствовал себя прекрасно и, проигнорировав все предостережения и все запреты, он решил встретиться с друзьями. Ведь правила карантина не для тех, кто чувствует себя прекрасно! После встречи с Петей друзья тоже чувствовали себя прекрасно, поэтому Рома решил заскочить на день рождения к своей школьной подруге Марине. Конечно же, на метро. Дима решил съездить в Подмосковье навестить родителей. Конечно же, на электричке. А Вадим никуда не поехал. У него очень-очень важная работа в офисе. И вскоре друзья Пети и друзья друзей Пети почувствовали на себе первые симптомы заражения. А три бабушки и один дедушка, которые о Пете никогда не слышали, оказались в больнице... Но всего этого не случилось, потому что Петя решил не встречаться с друзьями, а посидеть пару недель дома. Петя умный. Будь как Петя!

Персонаж соцсетей рунета Петя произошёл от Билла (Bill), который был представлен пользователям мировой паутины молдавским интернет-предпринимателем Евгением Кройтору в 2016 г.² Помимо российского Пети у персонажа по имени Bill имеется ещё несколько аналогов в разных странах: арабский Bilal, малазийский Rashid, испанский Jose и некоторые

другие. Так, антропонимы Петя, а также Рома, Дима и Вадим являются культурно маркированными. Топоним Подмосковье погружает дискурс в привычное для русскоязычной аудитории физическое пространство, а упоминаемые виды транспорта, метро и электричка, также являются самыми распространёнными средствами передвижения внутри этого пространства. Представляется уместным предположить, что использование количественного соотношения «три к одному» в отношении бабушек и дедушек соответственно может объясняться реальным соотношением количества женского и мужского населения преклонного возраста, чья продолжительность жизни существенно различается в пользу женщин. В продолжение рассмотрим ещё один пример:

– Алло! А, Семеновна! Что случилось? Гречки нет?!

Масок не хватает?! Лимоны подорожали?!...³

Обращение «Семеновна» является примером традиционного в России дружеского обращения пожилых людей друг другу по отчеству. Использование лексики «гречка», вербализующей культурно-релевантный концепт и входящей в номинативное поле макроконцепта «пища», сразу же апеллирует к русской языковой картине мира. В сознании русского человека отсутствие гречки в магазинах – не просто отсутствие конкретного продукта, но индикатор кризисного положения в стране даже для тех носителей культуры, кто этот продукт в пищу вовсе не употребляет. В работе Л. В. Борисовой, посвящённой концепту «Пища», даётся научное лингвокультурологическое обоснование широко известному факту [2]. Недаром на Руси была поговорка «Гречневая каша – матушка наша, а хлебец

¹ См.: Mememaster. Будь как Петя // Энциклопедия мемов Memepedia: [сайт]. URL: <https://memepedia.ru/bud-kak-petya> (дата обращения: 13.08.2020).

² Козлова Д. Прикрылись фиговым билбордом // Новая газета: [сайт]. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/06/30/86090-prikrilis-figovym-bilbor-dom> (дата обращения: 13.08.2020).

³ Взрывные бабушки. POFIG-21. Терминатор. Лучшая российская социальная реклама на тему коронавируса // Adindex: [сайт]. URL: <https://adindex.ru/news/creative/2020/05/15/281909.phtml> (дата обращения: 13.08.2020).

ржаной – отец наш родной». В отличие от гречки лимон является скорее «заморским фруктом», но, несмотря на это, он так крепко закрепился в традиционном рационе русских, что уже чай, который подают с лимоном, во многих странах воспринимается как традиционный русский горячий напиток, в отличие, например, от английского чая с молоком. Кроме того, профилактика простудных и вирусных заболеваний и самолечение с помощью употребления большого количества лимонов является типичной линией поведения русских людей.

Мурманский оперативный штаб по борьбе с коронавирусом под хэштегом #СеверПоДомам опубликовал изречения известных русских поэтов и писателей, сопроводив их ёмкими призывами к населению:

(1) *«**Не выходи** из комнаты – не совершай ошибку!»* | Бродский | *Северянин, у нас самоизоляция! Будь дома!*

(2) *«Все научились **маски надевать**, чтоб не разбить свое лицо о камни!»* | Высоцкий | *Защитись от CoVID-19, носи маску!*

(3) *«Ах, **обмануть** меня не трудно! Я сам **обманываться рад!**»* | Пушкин | *Не распространяй **фейки** о коронавирусе! **Не верь слухам**, что CoVID-19 – выдумка масонов!¹*

Во всех представленных примерах авторы социальной рекламы производят «перевод» прецедентного текста в актуальное коммуникативное пространство сообразно поставленной прагматической цели: *не выходи из комнаты – будь дома* (1), *все научились маски надевать – носи маску* (2), *обмануть меня не трудно – не распространяй фейки, не верь слухам* (3). Основным приёмом здесь служит использование националистических образов [12], а именно имён известных русских поэтов как ключевых слов русской куль-

туры и выдержек из их произведений, также являющихся достоянием российской культуры разных исторических эпох [3]. Так, в процессе декодирования сообщения реципиент ассоциирует современную ситуацию с ситуациями и паттернами поведения, актуализированными в произведениях русских поэтов. В каждом из рассмотренных рекламных слоганов метафоры, к которым прибегают поэты в (1) и (2), находят буквальную трактовку в сопроводительном призыве; в третьем примере сообщение представляется более сложным для полного понимания, так как для адекватной интерпретации необходимо наличие фоновых знаний, в частности осведомлённости о биографии поэта, о том, какое отношение поэт имел к масонству – тем сильнее будет влияние на реципиента, способного расшифровать сообщение, за счёт переживания ощущения собственной избранности.

Заключение

В результате лингвокультурологического анализа и дискурс-анализа русско-англоязычных текстов социальной рекламы, посвящённой борьбе с пандемией 2019–2020 гг., были выявлены специфические стратегии и приёмы конструирования дискурса социальной рекламы. Во-первых, это «прозрачность» прагматической цели за счёт использования эксплицитных средств языкового выражения и игнорирования приёмов суггестивности, характерных для дискурса коммерческой рекламы. Во-вторых, это общая тематика, прослеживающаяся как в русско-, так и в англоязычных текстах, в которую входят темы значимости семейных ценностей, здорового образа жизни, личного общения и физического контакта с другими людьми, переосмысления жизненных приоритетов и т. д. Ещё одной стратегией является использование милитаристской риторики, которая выстраивается на противопоставлении «мы (люди / общество) – он (вирус / враг)», а также на употреблении соответствующей

¹ Подробнее: Оперштаб «надел» на известных поэтов маски // Информационное агентство «СеверПост.ру»: [сайт]. URL: <https://severpost.ru/read/94962> (дата обращения: 13.08.2020).

щей лексики. Следующей характерной чертой является использование приёма метафоризации, в т. ч. использование медицинских метафор, что способствует сближению бытового и медицинского коммуникативных пространств. Были выявлены функции дискурса антиковидной социальной рекламы, среди которых основными представляются информационная, фатическая, эмотивная и регулирующая. Особо актуальной стратегией является включение национально-культурного контента как средства активации

национального самосознания, регулирования и мобилизации гражданской активности. Этому способствует использование культурно-релевантных концептов, национальных топосов и культурно-маркированных прецедентных текстов. Материал исследования и полученные результаты могут быть использованы в разработке курсов по теории языка, психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии.

Статья поступила в редакцию 23.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Баско Н. В. Лингвокультурный концепт «равнодушие» в русской языковой картине мира // Преподаватель XXI век. 2018. № 2-2. С. 321–332.
2. Борисова Л. В. Концепт «Пища» в культурологическом пространстве русского языка // Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 224–230.
3. Васильева Л. А. Мифотворчество и мифологизация в печатных СМИ: ретроспектива и современность: автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2017. 49 с.
4. Волков В. В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 1. С. 103–113.
5. Глухов А. П. Коммуникативные стратегии российского националистического дискурса: отражение в медийном пространстве // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 5 (95). С. 52–58.
6. Голубенко Е. А. Концепт «война» в современном английском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 4. С. 447–457. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-4-447-457.
7. Ежова Е. Н. Лингвистика рекламного текста: монография. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2018. 211 с.
8. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
9. Корнилова Н. А. Средства выражения фатической речи в СМИ // Медиалингвистика. 2014. № 2 (5). С. 58–66.
10. Лепехин Н. Н., Протанская Е. С. Суггестология в контексте культурогенеза как научное направление // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 186–194. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10214.
11. Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача / Т. В. Кочеткова, М. И. Барсукова, Е. А. Ремпель, А. Я. Рамазанова // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70). С. 466–467.
12. Умеренкова А. В. Политическая мифориторика в рекламном тексте // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2019. № 4 (35). С. 262–269.
13. Умеренкова А. В. Рекламный текст как средство формирования национальной идентичности // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2016. № 4 (23). С. 114–120.
14. Чанышева З. 3. Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакоммуникации // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 1. № 3. С. 140–147.
15. Dickson P. War Slang: American Fighting Words & Phrases Since the Civil War. Washington, D.C.: Brassey's, Inc., 2003. 432 p.

16. Fawcett R. System networks, codes, and knowledge of the universe // *The Semiotics of Culture and Language*. Vol. 2. Language and Other Semiotic Systems of Culture / eds. R. Fawcett, M. A. K. Halliday, S. Lamb, A. Makkai. London, Dover, N. H.: Frances Pinter, 1984. P. 135–179.
17. Popova K. Persuasion strategy in online social advertising // *Training, Language and Culture*. 2018. Vol. 2. Iss. 2. P. 55–65. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4.

REFERENCES

1. Basko N. V. [The linguocultural concept “indifference” in the Russian linguistic picture of the world]. In: *Prepodavatel' XXI vek* [Prepodavatel XXI vek], 2018, no. 2-2, pp. 321–332.
2. Borisova L. V. [Concept “Food” in the cultural space of the Russian language]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2013, no. 4, pp. 224–230.
3. Vasil'eva L. A. *Mifotvorchestvo i mifologizatsiya v pechatnykh SMI: retrospektiva i sovremennost': avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Myth-making and mythologization in print media: retrospective and modernity: abstract of D. thesis in Philological sciences]. St. Petersburg, 2017. 49 p.
4. Volkov V. V. [The concept of “war” in linguistic culturology: the semantic kernel, the aspects of hermeneutic research]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], 2017, no. 1, pp. 103–113.
5. Glukhov A. P. [Communicative strategies of Russian nationalist discourse: reflection in media space]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, no. 5 (95), pp. 52–58.
6. Golubenko E. A. [The “war” concept in modern English]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Russian and foreign languages, teaching methods], 2017, vol. 15, no. 4, pp. 447–457. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-4-447-457.
7. Ezhova E. N. *Lingvistika reklamnogo teksta* [Linguistics of Advertising Text]. Stavropol, North Caucasus Federal University Publ., 2018. 211 p.
8. Karasik V. I. [About the types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs* [Linguistic personality: institutional and personal discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000, pp. 5–20
9. Kornilova N. A. [Means of phatic speech expression in mass media discourse]. In: *Medialingvistika* [Media Linguistics], 2014, no. 2 (5), pp. 58–66.
10. Lepekhin N. N., Protanskaya E. S. [Suggestion psychology in the context of cultural genesis as a scientific direction]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky Philological Bulletin], 2018, no. 4, pp. 186–194. DOI: 10.24411/2499-9679-2018-10214.
11. Kochetkova T. V., Barsukova M. I., Rempel' E. A., Ramazanova A. Ya. [Medical discourse: characteristics of professional communication of a doctor]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 2018, no. 3 (70), pp. 466–467.
12. Umerenkova A. V. [Political mythology in advertising text]. In: *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2019, no. 4 (35), pp. 262–269.
13. Umerenkova A. V. [Advertising text as a means of forming national identity]. In: *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2016, no. 4 (23), pp. 114–120.
14. Chanysheva Z. Z. [Suggestive effects of linguocultural signs in mass media communication]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of Pushkin Leningrad State University], 2012, vol. 1, no. 3, pp. 140–147.
15. Dickson P. *War Slang: American Fighting Words & Phrases Since the Civil War*. Washington, D.C., Brassey's, Inc. Publ., 2003. 432 p.
16. Fawcett R. System networks, codes, and knowledge of the universe. In: Fawcett R., Halliday M. A. K., Lamb S., Makkai A., eds. *The Semiotics of Culture and Language. Vol. 2. Language and Other Semiotic Systems of Culture*. London, Dover N. H., Frances Pinter Publ., 1984, pp. 135–179.
17. Popova K. Persuasion strategy in online social advertising. In: *Training, Language and Culture*, 2018, vol. 2, iss. 2, pp. 55–65. DOI: 10.29366/2018tlc.2.2.4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Умеренкова Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и методики преподавания иностранных языков Курского государственного университета;
e-mail: anna-umerenkova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Umerenkova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Theory of Language and Methods of Teaching Foreign Languages, Kursk State University;
e-mail: anna-umerenkova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Умеренкова А. В. Культурно-релевантный контент дискурса социальной рекламы (на материале русско- и англоязычной рекламы по борьбе с коронавирусом) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 1. С. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48

FOR CITATION

Umerenkova A. V. Culturally relevant content in the discourse of social advertising (based on Russian and English anticovid social ads). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 1, pp. 39–48.
DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48